Россия и Америка в XXI веке. 2013-2023

ISSN 2070-5476

URL - <http://rusus.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 2 Том . 2018

Ключевые вызовы американской политике в Ираке

Евсеенко Андрей Сергеевич
Институт США и Канады РАН
Российская Федерация, Москва

Аннотация

Статья посвящена ключевым вызовам иракской политике США на современном этапе. Военная победа над боевиками «Исламского государства» (ИГ, организация запрещена в России) недостаточна для стабилизации Ирака. Организация джихадистов перешла из состояния квазигосударства в положение подпольной террористической группировки. Помимо угрозы терактов со стороны исламских радикалов, сохраняется угроза конфликта между иракскими курдами и центральным правительством в Багдаде. Желание президента США Д. Трампа противостоять влиянию Ирана на Ближнем Востоке также не способствует стабилизации Ирака. Эти проблемы рискуют перерасти в вооружённый конфликт, который потребует нового вмешательства США и потенциально может подорвать стабильность всего региона. Автор рассматривает текущее состояние обеих проблем и возможные шаги США по их разрешению.

Ключевые слова: внешняя политика США, внешняя политика Ирана, Ирак, война с терроризмом, курдская проблема, Дональд Трамп

Дата публикации: 12.09.2018

Ссылка для цитирования:

Евсеенко А. С. Ключевые вызовы американской политике в Ираке // Россия и Америка в XXI веке. – 2018. – Выпуск 2.

URL: <https://rusus.jes.su/s207054760000022-1-1/>. DOI: 10.18254/S0000022-1-1

Референдум в Иракском Курдистане, проведённый 25 сентября 2017 г., и окружающие его события обнаружили ряд ложных стереотипов об этом регионе, прочно укоренившихся как в общественном мнении, так и в экспертной среде. Искажённое мнение об Иракском Курдистане порождает неверное представление о состоянии дел на Ближнем Востоке и перспективах развития ситуации в регионе. Наиболее стойкие стереотипы относятся к характеру американо-курдских отношений.

² Прежде всего, речь идёт о месте Иракского Курдистана во внешней политике США. Утверждалось, что курды являются историческим партнёром Соединённых Штатов и обладают неким особым статусом в ближневосточной политике Вашингтона. Историческая ретроспектива позволяет утверждать, что это не так.

³ Несмотря на согласие американского президента Вудро Вильсона признать автономию нетурецких народов бывшей Османской империи, США отказались настаивать на выполнении Севрского мирного договора 1920 г., который предполагал создание независимого Курдистана¹. После государственного переворота 1963 г. в Ираке, Вашингтон рекомендовал курдам признать новую власть в Багдаде в лице партии БААС. США поддерживали курдов в их конфликте с режимом Саддама Хусейна лишь в 1972–1975 гг. Причина была в том, что Ирак тогда пошёл на обострение отношений с американским союзником – шахским Ираном. После заключения Алжирского соглашения в марте 1975 г. Вашингтон прекратил поставлять иракским курдам оружие и поддерживать их претензии на автономию². США не оказали им поддержку ни в ходе операции «Анфаль», когда иракские войска уничтожили около 200 тыс. курдов при помощи химического оружия, ни в ходе курдского восстания 1991 года. Америка отказалась вмешиваться во внутрикурдский конфликт 1996 г., в ходе которого силы Демократической партии Курдистана (ДПК), совместно с армией Хусейна, уничтожили силы Иракского национального Конгресса в Эрбиле. В 2003 г. американская армия успешно сотрудничала с курдскими отрядами «Пешмерга» в ходе операции «Иракская свобода», а после свержения режима Хусейна курдские силы самообороны были надёжным союзником международной коалиции в борьбе с джихадистами. Однако власти США не поддерживали курдское стремление к независимости, пытались интегрировать курдов в политическую и военную структуру нового Ирака, играли роль посредника в конфликтах между Багдадом и Эрбилем³.

⁴ Вторжение «Исламского государства» в Ирак позицию США не изменило. Интерес Соединённых Штатов заключался в укреплении иракской государственности, а не в дроблении государств региона. Поэтому американская военная помощь поступала курдам только с одобрения центрального правительства Ирака⁴. Помощь включала в себя поддержку со стороны военных советников, поставки топлива, вооружений, выплату зарплат бойцам «Пешмерги». Однако поставки оружия не распространялись на тяжёлую артиллерию или танки. По замыслу американских военных, отряды «Пешмерга» должны быть составной частью иракских вооружённых сил, а не самостоятельной боевой единицей⁵. Совместные операции американских сил спецназначения и «Пешмерги» против

«Исламского государства» также проводились после согласований с командованием иракских вооружённых сил.

⁵ Важность курдов как военного союзника также преувеличена. Они, безусловно, были силой в войне с ИГ, но скорее вспомогательной. Главную же роль играла иракская армия, которая отбивала ключевые города у джихадистов: Фаллуджу, Эр-Рамади, Тикрит, Байджи, Мосул, Рабию⁶. Отряды «Пешмерга» внесли значимый вклад в сражение за Мосул, координируя свои усилия с американскими силами спецназначения и блокируя попытки прорыва боевиков ИГ на Киркук⁷. Курды были главной сухопутной силой в ходе обороны Киркука в январе 2015 г., а также успешного наступления на Синджар в ноябре 2015 г.⁸ Однако в обоих сражениях международная коалиция оказывала им поддержку с воздуха, что не позволяет заявлять об уникальности отрядов «Пешмерга» как военной силы⁹.

⁶ Из этого следует, что главный союзник США в борьбе с «Исламским государством» – это сильный и стабильный Ирак. Именно поэтому американский Государственный департамент накануне курдского референдума пригрозил свернуть военную помощь Эрбилю, а Министерство обороны США прекратило выплату жалования бойцам «Пешмерга»¹⁰. Следует заметить, что США не заняли чью-либо сторону в конфликте между Багдадом и правительством Курдистана, который развернулся в сентябре – октябре 2017 года. Американские власти назвали действия иракских силовиков конституционными, однако пригрозили прекратить военное сотрудничество, если наступление вглубь курдской территории не остановится¹¹. США не намерены уступать сепаратистским устремлениям иракским курдов в обмен на их военную поддержку.

⁷ Курды, в свою очередь, не рассматривают США как своего главного партнёра и покровителя. Американская вовлечённость в жизнь Иракского Курдистана не столь велика, если не брать во внимание военное сотрудничество между Вашингтоном и Эрбилем. Ключевые политические партии Иракского Курдистана ориентированы, прежде всего, на своих ближайших соседей. Демократическая партия Курдистана, возглавляемая кланом Барзани, наладила прочные связи с Турцией. Патриотический союз Курдистана (ПСК), руководимый семейством Талабани, а также движение «Горран» ориентированы на Иран. Турция – крупнейшая страна – инвестор в экономику Иракского Курдистана. В автономии ведут свою деятельность 1400 турецких компаний, объём курдо-турецкой торговли к осени 2017 г. составлял около 5 млрд долл. (в 2012 г. он превышал 8 млрд долл.)¹². Именно в Турции расположена ключевая инфраструктура курдского нефтяного экспорта: 85% курдской нефти экспортировалось через Турцию¹³. Турецкие нефтяные компании не опасаются заключать сделки с правительством Курдистана в обход иракского кабинета министров. Американские же нефтяники должны выбирать между сделками с Эрбилем и Багдадом. Соглашение с курдами в обход центрального правительства Ирака лишает США права участвовать в дальнейших проектах на территории страны, а также ставит под угрозу ранее заключённые сделки по разведке и добыче нефти. Турция не сталкивается с подобной дилеммой. Анкара диверсифицировала свой нефтяной импорт, её главный поставщик с октября 2017 г. – Иран¹⁴. В выборе деловых партнёров турецкие компании отдавали

предпочтение членам семьи Барзани. Именно от Турции правительство Курдистана ожидало военной помощи в связи с вторжением ИГ летом 2014 года¹⁵. Иран, наряду с Турцией, имеет торговый оборот с Иракским Курдистаном в 5 млрд долл. Референдум и потеря Эрбилем нефтяных месторождений в Киркуке не навредили лидерским позициям Турции и Ирана. Совокупный объём торговли Иракского Курдистана с этими странами по состоянию на июнь 2018 г. составлял 9,67 млрд долларов¹⁶. Курдистан по-прежнему нуждается в поставках электроэнергии из Ирана¹⁷. Влияние иранских спецслужб на силовые структуры курдов весьма велико.

⁸ Не стоит также недооценивать потребность иракских курдов в стабильных отношениях с Багдадом. Во-первых, участие в иракском парламенте и кабинете министров позволяет курдским политикам не только отстаивать интересы автономии, но и обеспечивать собственную безопасность. Местный политик гораздо больше рискует стать жертвой внутрикурдской вражды, чем федеральный. Во-вторых, именно багдадское правительство выплачивает зарплату 1,2 млн госслужащих в Иракском Курдистане¹⁸. Местные власти не в состоянии делать это в силу собственной коррумпированности и тяжелейшей экономической ситуации в курдской автономии.

⁹ Готовность иракских курдов к независимости тоже весьма преувеличена. Среди них существует достаточно давний раскол. ДПК стремится к главенству в автономии и не намерена уступать его ПСК. «Патриоты» не отказываются от собственных амбиций, и не будут бороться за независимый Курдистан, где правит семейство Барзани. Клановые разделили регион на «сферы влияния». Поэтому попытка обрести независимость неизбежно приведёт к распаду самого Курдистана, поскольку северная его часть останется под властью семейства Барзани, а южная – семейства Талабани. Такой шаг – это прямая дорога к гражданской войне между курдами, которая уже имела место в 1994–1997 гг. Подобный конфликт поставит под угрозу национальную безопасность основных партнёров Эрбиля – Турции и Ирана. Обе страны десятилетиями борются с курдским сепаратизмом на собственной территории. Возникновение независимого курдского государства только обострит старые конфликты. Анкара опасается усиления Рабочей партии Курдистана и превращения территории иракских курдов в базу террористов РПК. Тегеран не желает укрепления Демократической партии Иранского Курдистана и её вооружённых отрядов. С 2015 г. они совершают атаки на приграничные районы Ирана с территории иракских курдов¹⁹.

¹⁰ Именно поэтому Турция и Иран столь жёстко отреагировали на проведение в Курдистане в сентябре 2017 г. референдума о независимости. Обе страны начали угрожать закрытием воздушного пространства для полётов в Курдистан. Каждая из них провела военные учения совместно с иракской армией вблизи границ с Курдистаном²⁰.

¹¹ В целом, мировое сообщество не признало референдум о независимости Курдистана. США осудили курдский референдум и назвали военные действия вооружённых сил Ирака конституционными, призвав стороны к переговорам²¹. В Саудовской Аравии курдский референдум также не нашёл поддержки, а действия

иракской армии по вытеснению отрядов «Пешмерга» со спорных территорий не вызвали осуждения.

¹² Легитимность референдума также вызывает сомнения. В Сулеймании на референдум пришло на 200 тыс. человек меньше, чем в январе 2005 г. во время первого курдского референдума. На спорных территориях люди вовсе предпочли сохранить автономию или даже перейти под власть Багдада, но не Эрбиля²². Поэтому озвученная цифра в 92% поддержки независимости весьма сомнительна, особенно при отсутствии разбивки результатов голосования по округам.

¹³ В результате Масуд Барзани и вынужден был оставить пост президента Иракского Курдистана 1 ноября 2017 года. На данном этапе бразды правления в Курдистане разделены между региональным парламентом, кабинетом министров, премьер-министром и судебной властью. Премьер-министр Нечирван Барзани, племянник экс-президента, возглавляет исполнительную ветвь, представляет Курдистан за рубежом, имеет право объявлять выборы и одобрять развертывание иракских сил безопасности на территории Курдистана, в случае если курдский парламент примет такое решение. Кабинет министров получил полномочия объявлять чрезвычайное положение и действовать без оглядки на парламент в чрезвычайной ситуации (например, когда законодательный орган не может собраться). Президентский совет из трёх человек в рамках парламента имеет право санкционировать законодательный процесс и назначать судей, выдвинутых судебным советом, без подписи президента. Судебный совет, в свою очередь, может принять отставку кабинета министров или попросить его членов исполнять свои должностные обязанности до тех пор, пока не будет сформирован новый кабинет. Совет также имеет право назначать высокопоставленных чиновников.

¹⁴ Подобное разделение полномочий даёт Соединённым Штатам шанс выстроить отношения с иракскими курдами на новых принципах. Администрация Трампа не должна повторять ошибок Бретта Макгерка, спецпредставителя США в антитеррористической коалиции, сражающейся против «Исламского государства». Американский дипломат ориентировался на сотрудничество с сильным и влиятельным лидером Курдистана, без учёта его легитимности. Полномочия президента Барзани истекли в 2013 г., но парламент Курдистана продлил их дважды вопреки положениям местного законодательства. Б. Макгерк посчитал, что в условиях войны с «Исламским государством» необходима политическая стабильность. Поэтому он не стал признавать спикера курдского парламента Юсуфа Садика временным главой государства и настаивать на необходимости проведения выборов, как этого требует местное законодательство. В результате Барзани почувствовал свою незаменимость в борьбе с ИГ и посчитал, что теперь может укреплять свою власть без оглядки на законы. Его партия просто не пускала спикера парламента на заседания в течение двух лет. Совместно с кланом Талабани, они добивались, чтобы их родственники находились на ключевых постах в правительстве, а технократов и реформаторов вроде бывшего премьер-министра Бархама Салиха отодвигали на второй план. Журналисты, писавшие о кумовстве и коррупции в правительстве Курдистана, преследовались спецслужбами, которые возглавлял старший сын Барзани – Масрур. В январе 2017 г. правительство Курдистана взяло иностранный кредит на 500 млн долл. без консультаций с парламентом, судьба этих денег до сих пор не выяснена²³.

15 Индифферентная позиция Соединённых Штатов по отношению к этим трендам подрывает репутацию США внутри Курдистана, а также единство отрядов «Пешмерга». Вооружённые силы курдов остаются политизированными, что влияет на ход боевых операций, например, при занятии иракскими вооружёнными силами Киркука и Синджара. Дело в том, что спорные территории находились под контролем ополченцев, подчинённых ПСК. «Патриотический союз» не намеревался жертвовать своими солдатами во имя амбиций президента Барзани, поэтому их отряды не оказали ожидаемого сопротивления иракской армии и отступили²⁴.

16 Такое положение дел ставит под угрозу эффективность американо-курдских выступлений против ИГ. Поэтому в основу долгосрочных и стратегических отношений США с Иракским Курдистаном необходимо поставить институциональный, а не личностный подход. Это единственный путь к стабильному и демократическому Курдистану. Он предполагает, прежде всего, решительную поддержку в вопросах сохранения автономного Иракского Курдистана со своим собственным парламентом, министерствами, бюджетами и региональными силами безопасности. Однако США должны настаивать и на прекращении откладывания парламентских и президентских выборов в Курдистане. Наконец, курдским властям надлежит внести поправки во временный закон о переходе на президентскую форму правления, чтобы обеспечить премьер-министра Нечирвана Барзани полномочиями верховного главнокомандующего. Формально глава кабинета министров может продвигать, назначать и увольнять военных командиров, но это далеко не все полномочия, которыми обладает реальный глава государства. Отсутствие чёткого контроля над силами безопасности может нанести вред переговорам с Багдадом об окончательном прекращении огня.

17 Из этого следует второе направление курдской политики США: роль медиатора в иракско-курдских конфликтах. Причём американцам необходимо брать на себя инициативу мирных переговоров, а не ждать пока стороны будут готовы к диалогу и попросят посредничества. Соединённые Штаты не отказываются от планов выстроить в Иракском Курдистане систему безопасности, способную противостоять террористам. Подготовка и поставки вооружений будут продолжены. Однако Министерство обороны США не предусматривает выплаты зарплат бойцам «Пешмерга» из американского бюджета в 2019 фин. году²⁵. Таким образом, Эрбилу предстоит договариваться с Багдадом об условиях финансирования курдских отрядов самообороны. Соединённым Штатам следует применить «финансовый рычаг» и на багдадском направлении. Необходимо предупредить федеральные власти, что новые боевые операции против курдов неприемлемы, дальнейшие вооружённые столкновения недопустимы, не принципиально, кто ударил первым – курды или Багдад. В противном случае последуют сокращение экономической помощи, правовой защиты (для нефтяных доходов) и поддержки МВФ, которую правительство США организует для Ирака, а также свёртывание сотрудничества с Багдадом в области безопасности.

18 Третье направление политики США в Курдистане – поиск решения проблемы спорных территорий. Её сохранение и эскалация конфликта могут привести к усилению ИГ или поддерживаемых Ираном повстанцев.

Администрации Д. Трампа было бы целесообразно выступить гарантом соблюдения курдами иракской конституции и соглашений с Багдадом в области энергетики. Центральному правительству Ирака, со своей стороны, необходимо гарантировать решение споров вокруг территорий в рамках правового поля. Также Багдаду следовало бы подтвердить свою часть соглашений по распределению доходов от экспорта углеводородов. В качестве ещё одного гаранта иракско-курдских соглашений нелишне привлечь Турцию. Президент Эрдоган не потерял «рычагов влияния» на Эрбиль, а сами курды не отказываются от стабильных отношений с Турцией. Анкара может быть заинтересована в разрешении споров между Багдадом и Эрбилем путём переговоров. В противном случае, при эскалации иракско-курдского конфликта, поддерживаемые Тегераном повстанцы продолжат укреплять своё влияние в таких областях турецких интересов, как Киркук, Туз-Хормату и Нинава.

¹⁹ Деятельность США во всех трёх обозначенных направлениях способна не только выстроить в Иракском Курдистане прочную структуру по борьбе с джихадистами, но и способствовать общему укреплению стабильности на Ближнем Востоке.

²⁰

Борьба с иранским влиянием

Одним из аспектов американской политики в Ираке после разгрома «Исламского Государства» стало сдерживание влияния Ирана. Однако в объявленной 13 октября 2017 г. президентом США Д. Трампом стратегии противостояния Ирану нет никаких конкретных указаний о том, как именно бороться с присутствием Ирана в Ираке, Сирии и других странах Ближнего Востока. Более того, американский президент не обозначил, каким образом сопротивляться влиянию Ирана, не вызывая при этом новых конфликтов.

²¹ Американская стратегия должна начинаться с определения иранского влияния и его масштабов. Тем более что в СМИ и в академической среде оно часто преувеличивается. Поэтому прежде чем рассуждать о противодействии, необходимо рассмотреть иранские интересы в Ираке, методы их реализации и последствия связанных с этим действий для американской национальной безопасности и иракской государственности.

²² Предпосылки для распространения иранского влияния в Ираке весьма существенны. Общая граница двух стран – 1400 км. 65% населения Ирака – мусульмане-шииты. Иракские города Кербела и Наджеф – святыни для шиитов. История двух народов во многом переплетена. Торговый оборот между странами составляет 12 млрд долларов²⁶.

²³ Однако приоритетом для Ирана является не экономическое сотрудничество, а обеспечение собственной безопасности. В разное время угрозу Ирану представлял политический режим в Багдаде, а также террористические группировки, расположившиеся на территории Ирака. Порядка 500 тыс. военных и гражданских лиц потерял Тегеран в ходе Ирано-иракской войны, развязанной Саддамом Хусейном²⁷. Боевики Демократической партии Иранского Курдистана

совершают рейды в пограничные районы Ирана с территории иракских курдов²⁸. Боевики Исламского государства укрываются в горных районах Халабаджи на территории Ирака. В январе 2018 г. они убили троих бойцов «Корпуса стражей исламской революции» в ходе столкновения в пограничном районе Эзгеле провинции Керманшах²⁹.

²⁴ Из этого следует, что первой задачей Ирана будет препятствование приходу к власти в Багдаде враждебных Тегерану сил. Иранцы предпочитают действовать через персоналии, а не через институты. Они поддерживают тех политиков и лидеров повстанцев, с которыми у Тегерана сложились устойчивые связи, например, Хади аль-Амери, лидера группировки «Бадр» и политического альянса «Завоевание» (Тахлаф аль-Фатх). Аль-Амери и его люди воевали против режима Хусейна ещё в ходе Ирано-иракской войны, «Корпус стражей исламской революции» оказывал им всестороннюю поддержку³⁰. Альянс «Завоевание» был готов поддержать действующего премьер-министра Хайдера аль-Абади на выборах 12 мая 2018 г. Однако Амери вышел из избирательного списка премьерской «Коалиции победы» («Италаф аль-Насра») как только к нему присоединились шиитский популист Муктада ас-Садр и шиитский исламист Аммар аль-Хаким³¹. Первый считается критиком иранского влияния в Ираке, второй вышел из проиранской партии «Верховный исламский совет Ирака» в июле 2017 г. Победа коалиции действующего премьер-министра была поставлена под сомнение.

²⁵ Достаточно серьёзно иранское влияние и на региональном уровне. Во главе местных муниципалитетов можно обнаружить людей, стоящих на проиранских политических организациях. Например, мэр округа Халис в провинции Дияла – член организации «Бадра»³². В целом, местные иракские политики и священнослужители нуждаются в деньгах и силовой поддержке, которую способен оказать Иран. Поэтому они отстаивают курс на добрососедские отношения с Тегераном.

²⁶ Однако этот курс укрепляется не только влиянием на политиков, чиновников и богословов. Иран делает всё возможное, чтобы выглядеть в глазах простых иракцев их покровителем. Только границу в Дияле ежедневно пересекают порядка 200 иранских грузовиков с продовольствием, медикаментами и товарами первой необходимости. Премьер-министр Абади не смог создать необходимые условия для восстановления иракской экономики. Нет ни поддержки частного капитала, ни таможенных пошлин, ни надёжной пограничной охраны. Поэтому товары народного потребления приходится завозить из Ирана. Иракские предприниматели предпочитают открывать предприятия в Иране – производство там дешевле, чем на родине³³. К тому же иранские банки щедро кредитуют иракских коммерсантов. Все стройматериалы для восстановления иракской инфраструктуры произведены в Иране. Реконструкцией гробницы Имама Али в Эн-Наджафе занимались иранские специалисты, они же построили отели поблизости. Сбором мусора в Эн-Наджафе занимается частная иранская компания, выигравшая тендер у местного муниципалитета. Проект установления камер наблюдения в провинции Вавилон был отобран проиранскими повстанцами у китайских подрядчиков. На иранские деньги созданы телеканалы (например, Аль-Алам), газеты (например, Аль-Шахид и Аль-Мушарака), сайты, информационные

агентства, псевдоисследовательские центры, рассказывающие об Иране как об иракском заступнике, а о США как о коварном злодее³⁴.

²⁷ Тем не менее, не стоит преувеличивать иранское влияние. Многие иракские политики, коммерсанты, священнослужители преувеличивают свои связи с Ираном, буквально фантазируя на эту тему, чтобы убедить окружающих в наличии у них богатых спонсоров и влиятельных заступников³⁵. В целом у иракцев ещё сильна память об Ирано-иракской войне. Иракцы больше арабские националисты, чем исламисты. Фактор религиозной солидарности работает только в условиях смертельной опасности. Как правило, исходит она от джихадистов: в прошлом – от «Аль-Каиды», в настоящем – от боевиков ИГ. Когда опасности нет, шиитские радикалы воспринимаются как «марионетки» Ирана. В марте 2008 г., когда иракские вооружённые силы теснили «армию Махди» в Басре, местное население не рассматривало иракских солдат как карателей, хотя в составе наступающих на Басру сил были суннитские ополченцы, «Сыновья Ирака». Бойцы «армии Махди» воспринимались местными жителями как проиранские оккупанты. Такая же ситуация была в Амаре, Куте и Курнахе³⁶.

²⁸ В мирное время, помимо националистического фактора, срабатывают и религиозные противоречия между иранским духовенством в Куме и иракским в Эн-Наджафе. В Ираке не признают власть иранского духовного лидера, рахбара, и философию Хомейни, в частности принцип Вилайат аль-факих («власть богословов»). Религиозный лидер иракских шиитов, Али Аль-Систани, считает недопустимым участие духовенства в политике. Именно поэтому он отказался встречаться представителем Верховного руководителя Ирана Али Хаменеи летом 2017 года³⁷.

²⁹ Однако и приуменьшать иранское влияние тоже не стоит. Ирак рассматривается Ираном в качестве инструмента своего влияния на Ближнем Востоке. Ещё в 1980-х годах на шиитском юге Ирака Тегеран вербовал боевиков для войны с режимом С. Хусейна³⁸. Они проходили подготовку в Иране под руководством «Корпуса стражей исламской революции» и возвращались на территорию Ирака для ведения боевых действий. После свержения режима Хусейна в 2003 г. их мишенью были суннитские повстанцы, боевики «Аль-Каиды» и американские солдаты. С 2014 г. их врагом номер один было «Исламское государство».

³⁰ Необходимо отметить, что Иран был первым государством, оказавшим помощь Ираку после вторжения боевиков ИГ. Пока формировалась коалиция по борьбе с джихадистами, а США требовали ухода премьер-министра аль-Малики со своего поста, Иран нанёс 21 июня 2014 г. авиаудары по наступающим на Багдад боевикам ИГ в Байджи, поставил в Ирак 7 штурмовиков «Су-25» и направил 10 пилотов на иракскую авиабазу «Имам Али»³⁹. Проиранские повстанцы влились в ряды «Сил народной мобилизации», созданных по призыву аятоллы аль-Систани. К 2018 г. из 100 тыс. шиитских ополченцев половину составили проиранские группировки: «Организация Бадра», «Асаиб Ахль аль-Хакк», «Катаиб Хезболла», «Катаиб Сайид аль-Шухада», «Сарайя аль-Хорасани»⁴⁰.

³¹ Участвуя в разгроме «Исламского государства» на территории Ирака, шиитские группировки параллельно решали ещё одну задачу в интересах Ирана: выстраивание канала поставок боевиков и оружия в Сирию. Он проходит через иракские провинции Дияла, Салах-ад-Дин, Киркук и Найнава. Через него идёт помощь режиму Башара Асада в Сирии и террористической группировке «Хезболла» в Ливане⁴¹. Роль шиитских ополченцев заключалась в том, чтобы занять стратегически важные блокпосты и выгнать местное население с территорий, через которые пролегал канал. В его создании поучаствовали и иранские специалисты: они восстановили 15-километровую дорогу в провинции Дияла⁴².

³² Очевидно, что справиться с иранским влиянием в Ираке силовыми методами Соединённым Штатам не удаётся. В сентябре 2017 г. американский контингент в Ираке составлял почти 9 тыс. военнослужащих, в феврале 2018 г. было объявлено о начале его сокращения до 4 тыс. человек⁴³. Вооружённая борьба с проиранскими силами грозит американским солдатам подрывами фугасов на дорогах и миномётными обстрелами, как это уже было в ходе вывода американских сил из Ирака в 2011 году⁴⁴. Поэтому США необходима долгосрочная стратегия сдерживания шиитских радикалов в Ираке.

³³ Её разработку и осуществление сильно затруднила действующая американская администрация. Президент Д. Трамп сделал всё возможное, чтобы испортить свой образ в глазах иракцев, оказавшихся на передовой в войне с международным терроризмом. В своей речи перед мемориалом офицерам ЦРУ 21 января 2017 г. президент призвал Соединённые Штаты отобрать у Ирака нефть в качестве военного трофея. И его первым заметным шагом в отношении Ирака был указ «О защите нации от въезда иностранных террористов в Соединённые Штаты», ограничивающий поездки иракцев в Америку. Более того, Д. Трамп и его администрация скорее способствуют превращению Ирака в поле битвы между США и Исламской Республикой Иран. 13 октября 2017 г. он призвал Конгресс пересмотреть «ядерную сделку» с Ираном, а также ввёл санкции против «Корпуса стражей исламской революции»⁴⁵. Государственный секретарь США Тиллерсон 22 октября 2017 г. после встречи с лидерами Ирака и Саудовской Аравии призвал проиранские силы в Ираке «идти домой»⁴⁶.

³⁴ Подобная риторика усложняет положение действующего иракского премьера Абади, который пытается балансировать между США и Ираном. Ему необходима военная поддержка Вашингтона и совершенно не нужен конфликт с иракскими националистами и Тегераном. Соединённые Штаты нацелены на минимизацию иранского влияния в Ираке. В сущности, создать из Ирака буфер, ограничивающий иранское влияние в регионе, вполне возможно. Для этого не нужны ни контингент из сотен тысяч солдат, ни подконтрольное Вашингтону правительство в Багдаде. Однако США необходимо сохранить военное присутствие в стране. Это позволит продолжить работу по укреплению иракских силовых структур, не допустить возрождения исламских радикалов и удержать Ирак от погружения в новую гражданскую войну. Поэтому от американской администрации потребуются следующие важные шаги.

Во-первых, смягчить риторику и доказать иракцам их важность для США. Д. Трамп уже принял в Белом доме иракского лидера и убедил его в том, что Соединённые Штаты не откажутся от военной поддержки Багдада. Теперь ему стоит лично посетить Багдад и встретиться с премьером Ирака, которого выберет парламентское большинство. Это подтвердит уважение США к выбору иракского народа. Необходимо доказать, что Америка имеет дело не с отдельными личностями, а с институтами власти. У администрации Д. Трампа не должна вызывать опасений победа коалиции Муктады ас-Садра на выборах 12 мая прежде всего потому, что шиитский популист и его сторонники из альянса «Сайрун» не получили достаточного количества голосов для формирования парламентского большинства и кабинета министров, а непосредственно ас-Садр не выдвигал свою кандидатуру на должность премьер-министра. Более того, он ещё в ходе предвыборной кампании объявил, что поддерживает выдвижение премьер-министра Хайдера Абади на второй срок⁴⁷. Также необходимо учитывать позицию Тегерана, который не признаёт ас-Садра в качестве лидера Ирака, а конфликтовать с проиранскими силами лидер альянса «Сайрун» не намерен⁴⁸. Таким образом, велика вероятность, что Хайдер Абади останется главой иракского кабинета министров. Окончательно об этом станет известно к середине августа 2018 г. Однако даже сохранение у власти в Багдаде сторонника американского военного присутствия не снимает необходимости официального визита президента США в Ирак. Для безопасности американских военнослужащих жизненно важно, чтобы Д. Трамп направил иракцам чёткий сигнал о том, что американские войска находятся на их земле по просьбе иракского правительства для борьбы с террористами.

Во-вторых, Трампу было бы целесообразно назначить высокопоставленного чиновника для курирования американо-иракских отношений. При предыдущем президенте эту функцию выполнял вице-президент Дж. Байден, совершивший восемь визитов в Ирак за первые четыре года нахождения Б. Обамы в Белом доме. Теоретически, эту работу можно было бы поручить вице-президенту М. Пенсу. Он посещал Ирак в апреле 2007 г., возглавлял подкомитет по Ближнему Востоку в Палате представителей. Регулярные визиты вице-президента США в Багдад только укрепят представления иракцев о важности для Вашингтона отношений с Ираком.

В-третьих, США необходимо настаивать на выполнении иракским правительством социальных обязательств перед «Силами народной мобилизации» («Хашд аш-Шааби»). В декабре 2016 г. президент Ирака Фуад Мазум одобрил парламентский законопроект о включении повстанцев в состав иракских вооружённых сил. В декабре 2017 г. религиозный лидер иракских шиитов Али аль-Систани и лидер «Организации Бадра» Хади аль-Амири призвали ополченцев перейти под командование Багдада⁴⁹. Однако простого переподчинения иракским офицерам недостаточно для выхода боевиков из-под иранского влияния. Необходимо неукоснительно выполнять социальные обязательства, такие как выплата зарплат, пенсий, гарантии предоставления жилья и оказания медицинской помощи. Именно материальный стимул, а не религиозная солидарность или защита шиитских святынь является основным при вербовке иранцами боевиков. У Ирака уже был неудачный опыт интеграции повстанцев в ряды вооружённых сил.

Предыдущий иракский премьер-министр, Нури аль-Малики, отказался включить суннитских ополченцев в состав иракской армии и гарантировать им ежемесячный заработок в размере 300 долл. США. Это привело к массовому присоединению иракских суннитов к террористам⁵⁰. Ситуация в нынешнем Ираке ничуть не лучше: молодёжь может рассчитывать на ежемесячный заработок в 80 долл. США, при том что, воюя на стороне ИГ, они могли бы получать от 400 до 1200 долл. в месяц⁵¹. Иранцы платят завербованным повстанцам от 200 до 1000 долл. в месяц⁵². Поэтому Соединённым Штатам стоит выступить гарантом выполнения социальных обязательств, а также привлечь к этому вопросу союзников по международной антитеррористической коалиции. Они заинтересованы в сохранении силы, противостоящей джихадистам на земле, и в сокращении иранского влияния в Ираке не меньше Соединённых Штатов.

³⁸ В-четвертых, США необходимо продолжать и расширять усилия по подготовке иракских силовых структур. Учитывая объём данной задачи, Вашингтону стоит привлечь к её решению партнёров по коалиции и НАТО. Дело в том, что порядка 70% подразделений иракских вооружённых сил имеют низкий уровень боевой подготовки, и для создания устойчивой системы обороны Ираку потребуется как минимум 5 лет⁵³. Американские военные не намерены отказываться от помощи иракцам в этом деле. Поэтому на 2019 фин. г. запросили 850 млн долл. на подготовку и оснащение пяти батальонов пограничной охраны, 12 региональных отрядов быстрого реагирования и шести батальонов охраны энергетической инфраструктуры⁵⁴. В ходе предвыборной кампании Д. Трамп заявил, что хочет работать с НАТО в деле борьбы с терроризмом⁵⁵. Ирак – идеальный театр для сотрудничества в этой сфере. 5 февраля 2017 г. НАТО объявило о запуске «новой учебной программы в Ираке по обучению иракских сил безопасности противодействию самодельным взрывным устройствам»⁵⁶.

³⁹ Для того чтобы поддержать эти начинания НАТО, а также усилия коалиции по подготовке иракских пограничных войск и полицейских частей, Д. Трампу необходимо заключить новое военное соглашение с иракским премьером. В этом договоре следует подчеркнуть не только вспомогательную роль США и международный характер помощи Ираку в создании устойчивой системы национальной безопасности. В документе необходимо также оговорить временные рамки, правовой статус инструкторов и сферы финансовой ответственности сторон в ходе военного сотрудничества. Подобный подход позволит избежать политических спекуляций вокруг присутствия иностранных военных в Ираке. Американские, итальянские, австралийские, немецкие, датские, испанские инструкторы смогут продолжить свою работу без опасения, что против них начнётся партизанская война. Тогда появляется шанс положить конец иранскому транзиту боевиков и оружия через Ирак.

⁴⁰ Препятствием для такого укрепления сотрудничества, его оформления в договор, может стать унилатерализм Д. Трампа и его неверие в международные усилия. Тем не менее, есть основания считать, что президент США сможет пойти навстречу союзникам, поскольку его интересы (сокращение американского военного присутствия на Ближнем Востоке, самостоятельность государств Персидского залива в борьбе с терроризмом и сдерживание иранского влияния в регионе) совпадают с интересами стран – участниц операции «Непоколебимая

решимость». Д. Трамп заявлял, что уничтожит ИГ, расширив международное сотрудничество. Основными направлениями кооперации он называл пресечение финансирования террористов, расширение обмена разведывательной информацией и проведение кибервойн, направленных на подрыв возможности пропаганды и вербовки ИГ⁵⁷. Все эти сферы могли бы стать новым наполнением для сотрудничества коалиции из 68 государств. Ведь «Исламское государство» не исчезло, не является единственным и последним представителем исламского радикализма. Продолжение борьбы с этой террористической организацией, при укреплении международной военной кооперации, негласно позволит США ослабить иранское влияние в Ираке.

⁴¹ В-пятых, Соединённым Штатам стоит привлечь своих союзников по коалиции к восстановлению иракской экономики и инфраструктуры. Прежде всего, речь идёт о Королевстве Саудовская Аравия (КСА), которое уже сделало первые шаги в этом направлении. В феврале 2017 г., впервые за 27 лет, министр иностранных дел КСА совершил визит в Багдад. 15 августа 2017 г. контрольно-пропускной пункт «Арап» на саудовско-иракской границе был открыт для двусторонней торговли⁵⁸. Следующим шагом должны быть рост саудовских инвестиций в иракскую экономику и увеличение торгового оборота между двумя странами. К подрядам на восстановление инфраструктуры стоит вновь привлечь китайские компании. Во избежание повторения инцидента в провинции Бабиль, США стоило бы выступить гарантом безопасности китайских подрядчиков и привлечь к этой миссии частные военные компании, уже имеющие опыт работы в Ираке (например, «Олив групп»). Это позволит китайцам заняться не только локальными проектами по восстановлению, но и амбициозными инфраструктурными проектами, вроде строительства автомагистрали Басра – Багдад и нефтепровода Басра – Акаба⁵⁹. Всё это позволит сократить долю Ирана в иракской экономике и лишит Тегеран образа единственного благодетеля иракцев. Однако главные усилия в этом направлении должны лежать на плечах иракского правительства. США следует настаивать на выработке иракскими властями программы поддержки малого и среднего бизнеса и гарантий защиты частной собственности. В противном случае местному населению будет трудно отказываться от предложений иранских вербовщиков подзаработать в Сирии и Ливане с оружием в руках.

⁴² Администрация Д. Трампа получила в наследство кампанию против «Исламского государства» и международную коалицию, которая продолжает боевые действия в Ираке. Однако урок предыдущей войны в Ираке заключается в том, что любые военные достижения могут оказаться недолговечными, если не сопровождаются политическим прогрессом и всесторонней международной поддержкой восстановления страны.

⁴³ Президент Д. Трамп несёт ответственность за то, чтобы успехи американских и иракских солдат в боях с «Исламским государством» не были девальвированы. У Ирака нет предпосылок стать теократической диктатурой, подчинённой Ирану. Однако всё ещё сохраняется риск погружения Ирака в тотальную гражданскую войну из-за обострения противоречий между иракскими этническими и конфессиональными сообществами. Иран, безусловно, не хотел бы подобного конфликта у своих границ. Однако Тегеран не смог в 2011–2014 гг.

остановить иракского премьера аль-Малики, когда тот принял решение о подавлении суннитской оппозиции, что послужило причиной погружения Ирака в межконфессиональную войну.

⁴⁴ У США есть военные и дипломатические механизмы, позволяющие не допустить подобного развития событий. Однако в январе 2018 г. министр обороны США Дж. Мэттис представил новую Национальную оборонную стратегию. Она ставит в ряд приоритетов борьбу с военной мощью Китая и с агрессивной политикой России⁶⁰. Борьба с терроризмом, по его словам, более не находится в фокусе американской национальной безопасности⁶¹. Это не отменяет возможностей США координировать усилия мирового сообщества и стремления положить конец источнику нестабильности на Ближнем Востоке, коим Вашингтон считает Ирак.

Key Challenges of U.S. Policy in Iraq

Andrey Yevseenko

Institute for the U.S. and Canadian Studies, RAS

Russian Federation, Moscow

Abstract

The article is devoted to the key challenges of U.S. current policy in Iraq. The military victory over Islamic state terrorists is not enough to stabilize Iraq. The jihadist organization passed from the quasi-state form to a guerrilla terrorist group pattern. In addition to the threat of terrorist attacks by Islamic radicals, the threat of a conflict between Iraqi Kurds and the central government in Baghdad remains. The U.S. President Donald Trump eagerness to resist the influence of Iran in the Middle East also doesn't contribute to the stabilization of Iraq. These problems risk to escalate into an armed conflict that will require new U.S. intervention, and potentially undermine the stability of the entire region. The author reviews the current state of both problems and possible U.S. steps to be taken to resolve them.

Keywords: U.S. Foreign Policy, Iran Foreign Policy, Iraq, War on Terrorism, Kurdish Problem, Donald Trump

Date of publication: 12.09.2018

Citation link:

Yevseenko A. Key Challenges of U.S. Policy in Iraq // Russia and America in the 21st Century. – 2018. – Issue 2. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760000022-1-1/>. DOI: 10.18254/S00000022-1-1